

юридических лиц, следует, на наш взгляд, обсуждать вопрос о восприятии для целей установления правил о государственной регистрации системообразующей классификации юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, закрепленной в Гражданском кодексе Республики Беларусь. Вместе с тем, такой подход, в отличие от предложенного в проекте, потребует и концептуального *содержательного* пересмотра, в первую очередь законодательства о некоммерческих юридических лицах.

Библиографический список

1. Проект Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования // Режим доступа: http://forumpravo.by/files/Proekt_Zakon_Gosregistracija_i_likvidacija.pdf.
2. Проект закона внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь // Режим доступа: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf.
3. Салей, Е.А. Государственная регистрация юридических лиц: гражданско-правовой аспект // Право и демократия. 2016. Вып. 27. С. 187–205. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/169568/1/187-205.pdf>.
4. Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» // Режим доступа: http://forumpravo.by/files/Obosnovanie_proekt_Zakon_Gosregistracija_i_likvidacija.pdf.
5. Рекомендации по гармонизации законодательства государств – членов ЕврАзЭС в сфере государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: приложение 3 к постановлению МПА ЕврАзЭС, 11 апреля 2013 г., № 15-9 // Режим доступа: <http://www.fhp.bsu.by/files/098.pdf>.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕГЛАМЕНТАЦИЕЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Н.В. Самсонов

*доцент кафедры гражданского процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент*

Информационные (цифровые) технологии, бурно развивающиеся в современном мире, оказывают воздействие и на гражданское судопроизводство. Они облегчают доступ к правосудию для значительного числа граждан и организаций, что позволяет более эффективно реализовывать

цели правосудия в цивилистическом процессе. Возможности информационных (цифровых) технологий оказались особенно востребованы во время первого этапа пандемии COVID-19: на фоне введения жестких ограничительных мер только наличие у российских судов возможности проведения процессов с удалённым доступом в суд (как с помощью ВКС, так и он-лайн) позволило безопасно рассмотреть многие гражданские дела.

Тем не менее, цифровизация (информатизация) правосудия имеет и ряд минусов. Как абсолютно справедливо отмечено в российской процессуальной науке – в результате поспешной и непродуманной цифровизации возможны утечка личной, конфиденциальной информации лиц, участвующих в деле, получение несанкционированного доступа к материалам дела, подмена лиц, участвующих в электронном процессе. Цифровизация (информатизация) цивилистического процесса, появление «он-лайн правосудия» вызывает к жизни и новые риски, происходящие из упрощения возможности фальсификации электронных доказательств, повышает вероятность подлога и искажения содержащейся в них информации. Всё это может стать препятствием для осуществления эффективной защиты прав и интересов лиц, чьи права нарушены или оспариваются [1; 2; 3, с. 214-218].

К сожалению, в современной России суды не всегда в состоянии заметить и надлежащим образом оценить такие злоупотребления. В качестве примера можно привести дело по иску О. к ИФНС Ленинского района г. Ростова-на-Дону⁸ [4]. По нашему разумению, появление проблем, связанных с исследованием и оценкой судом электронных доказательств, в частности, таких, которые весьма выпукло обозначились в указанном деле, вызвано отсутствием в цивилистическом процессе четкой, подробной регламентации порядка исследования данного средства доказывания.

Процедура оценки электронных доказательств в российских процессуальных кодексах регламентирована фрагментарно. Качество регулирования, безусловно, несколько улучшилось после вступления в силу Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»⁹, однако продолжает оставаться недостаточным и на настоящий момент, несмотря на попытки конкретизации, предпринятые в Постановлении Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»¹⁰, Приказе Судебного департамента при ВС РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном

⁸ См. Материалы дела № 2а-1563/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону.

⁹ Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). ст. 3889.

¹⁰ Российская газета. № 297. 2017.

виде, в том числе в форме электронного документа»¹¹ и Приказе Судебного департамента при ВС РФ от 11.09.2017 № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»¹².

Отсутствие надлежащей регламентации этой процедуры приводит к тому, что у некоторых судей возникают затруднения при исследовании электронных доказательств, которые исследуются в порядке, установленном для письменных доказательств и оцениваются без учета особенностей их происхождения.

Мы полагаем, что для минимизации негативных последствий, возникающих при использовании электронных доказательств, а также других отрицательных проявлений цифровизации в цивилистическом процессе, необходима выверенная, достаточно подробная регламентация таких элементов электронного правосудия, как обращение в суд в электронном виде, представление в суд электронных документов, использование технологически современных способов уведомления участников процесса о движении гражданских дел, проведение дистанционных судебных заседаний, а прежде всего, нужна тщательная регламентация процедуры проверки достоверности электронных документов и верификации информации, поступающей в суды в электронном виде.

Кроме того, давно назрела необходимость отказа от взгляда на доказательства, имеющие источником своего происхождения электронный документооборот, как на всего лишь одну из разновидностей письменных доказательств. Данные доказательства, на наш взгляд, следует рассматривать как самостоятельное средство доказывания, обладающее спецификой, подлежащей учёту при его исследовании и оценке.

К сожалению, в подготовленном 19.10.2020 г. Минюстом России и направленном на расширение возможностей применения информационных технологий в судопроизводстве, в том числе на урегулирование вопросов подачи в суд электронных документов, законопроекте «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» вопросы исследования электронных доказательств не затронуты.

Полагаем, следует разработать дополнительные критерии проверки достоверности электронных доказательств, прямо предусмотреть в процессуальном законодательстве обязанность суда, рассматривающего дело, выяснить обстоятельства, связанные с созданием электронных документов и иных цифровых доказательств, в том числе возможность регистрации электронных кабинетов посторонними лицами и возможность получения к ним

¹¹ Бюллетень актов по судебной системе. № 2. февраль. 2017.

¹² Бюллетень актов по судебной системе. № 10. октябрь. 2017.

несанкционированного доступа, особенно в тех случаях, если стороной об этом будет заявлено соответствующее ходатайство.

Это тем более необходимо, что ошибки в исследовании и оценке электронных доказательств зачастую искажают сущность правосудия и не позволяют достигать главной цели цивилистического процесса, которая состоит в защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и других лиц, цели, которая не может быть изменена (отменена) в результате применения цифровых (электронных) технологий.

Библиографический список

1. Афанасьев, С.Ф. О праве на ложь в цивилистическом процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // Юрист. – 2020. – № 1. – С 22 – 28.
2. Борисова, В.Ф. Реализация конституционного права на судебную защиту в аспекте применения электронных технологий // Администратор суда. – 2019. – № 2. – С. 9 – 12.
3. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. – Казань: Отечество, 2020. – 415 с.
4. Самсонов, Н.В. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2. – С. 40 – 54.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ДЕТЕЙ НАХОДЯЩИМИСЯ В СОЦИАЛЬНО-ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

И.И. Семашко

старший преподаватель

УО «Барановичский государственный университет»

Семья, являясь естественной и основной ячейкой общества, находится под защитой государства (ст. 3) [1]. Она представляет собой уникальный социальный институт, поскольку выполняет две самые важные функции – воспроизводство членов общества и их первичную социализацию [2, с. 254]. Через эти функции проявляется взаимосвязь семьи с обществом и государством. Основные направления государственной семейной политики Республики Беларусь [3], были приняты в целях обеспечения благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, выполнения ею экономической, репродуктивной и воспитательной функций, укрепления нравственных основ семьи и повышения ее престижа в обществе. На наш взгляд, перечисленные функции семьи являются для государства основными (приоритетными), причем две из них – экономическая и воспитательная – вменены семье в обязанность. С